

По ее краям проходит орнаментированная кайма из небольших треугольников, обращенных друг к другу вершинами. К ней примыкает рамка из крупных треугольников, обращенных друг к другу гипотенузами. Данная кайма обрамляет текст. В головной части плиты расположено полукруглое клеймо из остроугольных треугольников, обращенных вершинами к центру клейма [1, с. 61]. Подобная орнаментика характерна для русских надгробий XVII столетия. В качестве сравнения можно обратить внимание на надгробия членов Ордена в Ливонии, выполненные совершенно иным образом местными мастера [7, s. 81, 85] В связи с этим можно предположить, что надгробие было изготовлено русским православным мастером. В подтверждение можно привести также и другой аргумент. На надгробии указано неверное имя – Берндт, а не Вернер. В связи с этим различие имен можно предположить, что надгробие могло быть изготовлено местным мастером, для которого не было существенной разницы между именами Вернер и Берндт.

Грашенков А. В. также обратил внимание на технику резьбы надписи, на неровность букв, разные интервалы между ними, местами слова заходя на кайму. По его мнению, это неопытностью мастера [1, с. 61], что кажется вполне вероятным. Вместе с тем, представляется возможным и иное объяснение, связанное процессом похорон. В связи с тем, что они происходили в спешке, можно предположить, что в качестве было использовано уже заготовленная надгробная плита без надписи и новый текст приходилось «врезать» в уже имеющиеся рамки.

О том, что погребение, вероятнее всего, происходило именно в таких обстоятельствах, может свидетельствовать и тот факт, что казненные пленные гебитигеры Ордена были погребены не в Немецкой слободе, а на территории, которая в XVI в, находилась за пределами города.

Таким образом, найденное надгробие иллюстрирует последний этап жизни комтура Немецкого ордена, попавшего в плен в ходе Ливонской войны и впоследствии казненного, являясь важным свидетельством политических событий того времени. Специфика оформления надгробной плиты свидетельствует о работе местного мастера.

1. Грашенков, А. В. Надгробная плита ливонского рыцаря Бернта фон Белля / А. В. Грашенков // История и реставрация памятников Кремля. Материалы и исследования. – М. : Искусство. 1989. – Т. 6. – С. 61–63.
2. Материалы для жизнеописания К. Ф. Калайдовича и особенно для изображения ученой его деятельности // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М. : Университетская типография. 1862. – Кн. 3. – С. 5–208.
3. Латвийский Государственный Исторический Архив., – Ф. 5561. Оп. 4. Д. 375
4. Renner, J. Livländische Historien 1556–1561 / J. Renner. – Lübeck : M. Schmidt-Römhild. – 1953. – 150 s.
5. Russow, B. Chronika der Provinz Lifflandt / B. Russow // Scriptores Rerum Livonicarum – Riga ; Leipzig : Verlag von Frantzens Buchhandlung. – 1848. – Bd. 2, 1. – 132.
6. Franz Nyenstädt's, weiland rigischen Bürgermeisters und königlichen Burggrafen, Livländische Chronik // Monumenta Livoniae Antiquae. – Riga ; Leipzig : Verlag von Frantzens Buchhandlung. – 1839. – Bd. 2. – S. 28 – 166.
7. Mänd, A. Visuelle Memoria: die Grabplatten der livländischen Ordensmeister und Gebietiger / A. Mänd // Forschungen zur baltischen Geschichte. – 2020. – Nr. 15. – S. 61–94.

Рябов С. М.

ПРОЕКТ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИВОНИИ ШАРЛЯ ДЕ ДАНЗЕ И ЕГО МЕСТО В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЛИВОНСКИХ ВОЙН

В своей основательной работе о Ливонской войне XVI в. А. И. Филюшкин отметил важность исследования западных источников этого военного конфликта, подчеркнув вместе с тем, что «и то, что опубликовано, ждет своего исследователя» [8, с. 292].

Одним из таких источников является «Рассуждение о делах Дании и Швеции», датированное 12 апреля 1575 г., и написанное французским дипломатом, постоянным послом в Копенгагене Шарлем де Данзе.

Данный источник, расположившийся на страницах издания переписки этого посла с французским двором, включает в себя в числе прочего описание им своей деятельности с момента назначения на должность в 1548 г., равно как актуальной ситуации на Северо-Востоке Европы, а также так называемый «Ливонский проект Франции» (выражение, введенное в историографический оборот Г. В. Форстенем), который и будет рассматриваться в данной работе [14, р. 45–85].

Проект Данзе об инкорпорации Ливонии во Французское королевство не раз затрагивался исследователями. Лучший, на наш взгляд, анализ ключевых положений проекта принадлежит перу известного специалиста в области истории международных отношений Г. В. Форстена [10, с. 621–626]. Можно лишь добавить, что проект предполагал женитьбу герцога Франсуа Алансонского (1555–1584), младшего брата короля Генриха III (1574–1589), на шведской принцессе Елизавете, младшей дочери Густава I Васа, благодаря чему, согласно Данзе, в качестве приданого к Франции могла отойти шведская часть

Ливонии¹. В дальнейшем планировалось договориться с Польшей о передаче оставшейся польской части. Кульминацией же данного плана являлось предложение о продвижении французского принца на шведский трон, с последующими претензиями на овладение всей Скандинавией. Эта надежда витала в воздухе ещё до Ливонского проекта, опиравшаяся на представления о слабости королевской власти в Швеции, Дании и Польше [16; 19, р. 95–114; 22, р. 649–650]².

Конечно, этот важный политический проект не уходил от внимания разных исследователей. Впервые опубликованный в рамках «Рассуждения о делах Дании и Швеции» в издании писем Данзе 1824 г., он был повторно напечатан с примечаниями Л. Париса десять лет спустя [20, р. 335–366]. Следующим, кто обратил внимание на этот источник, стал упомянутый Г. В. Форстен. В своем главном труде «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях» он, изложив основные положения проекта Данзе, первым провел его анализ. Ученый назвал идеи французского посла «дипломатической фантазией», которая была «совершенно неосуществима», т. к. обязательно бы составила коалиция держав, нацеленных на раздел Ливонии, который был просто неизбежен [10, с. 621–626]. Оценка, данная проекту этим историком в 1893 г., в дальнейшем разделялась почти всеми последующими исследователями, которые так или иначе касались этого вопроса (или же они сами приходили к идентичному выводу). Советский историк В. Д. Преображенский писал о «фантастической программе внешнеполитических мероприятий», ошибочно указывая на то, что первая публикация источника была сделана Л. Парисом, и упуская шведское издание писем Данзе, вышедшее на десять лет раньше³. Самого же автора проекта ученый назвал так: «этот авантюрист со столь богатой фантазией» [6, с. 27–29]⁴. В. Кирхнер писал о «химическом проекте», который «превышал средства и силы правительства и народа Франции» [18, р. 170–171]. П. Жанен подверг критике В. Кирхнера за рассмотрение лишь политической стороны присутствия Франции на Балтике, приведя в качестве примера рассмотренный В. Кирхнером проект, но не стал анализировать его с точки зрения экономической истории [17, р. 26]. Грузинский исследователь русско-французских отношений Г. Жордания, вслед за Г. В. Форстеном, назвал проект Данзе «обширным» и «весьма фантастическим» [4, с. 4–6]. Исследователи биографии Данзе лишь упоминают о проекте: А. Ришар называет его «документом, представляющим большой интерес по истории стран Севера» [21, р. 118], а Ю. Досси называет проект «утопическим» [15, с. 213]. Б. Виане считает его «гениальной идеей», но не идёт дальше пересказа его основных положений [2, с. 157–163]. В контексте заинтересованности дома Валуа в свободной торговле на Балтике в условиях противодействия таковой со стороны Польши и Швеции о проекте Данзе пишет В. В. Шишкин [11, с. 944].

Упрекая проект в «фантастичности», не останавливаясь на нём более подробно, исследователи, на наш взгляд, не придавали должного значения этому ценному источнику по истории Ливонских войн, в котором присутствуют образ богатой и плодородной Ливонии и образ России как врага-разорителя этой прекрасной страны. Нам представляется целесообразным связать данный проект с личностью самого дипломата и его деятельностью на посту посла, равно как проследить судьбу этой идеи: родилась ли она ранее апреля 1575 г. и возвращалась ли к ней французская сторона после этого. Не менее важной кажется задача сравнить его с другими геополитическими проектами раннего Нового времени. Наконец, проект Данзе пока не рассматривался в рамках изучения геополитических идей, практик и стратегий эпохи раннего Нового времени. Наша работа нацелена на поиск ответов на поставленные вопросы.

При рассмотрении образа Ливонии, который присутствует в сочинении Данзе, стоит понимать, что до начала Ливонских войн об этом далеком балтийском крае на Западе мало что знали. Когда же войны начались, то ливонские политические и церковные деятели представляли их как несчастье, обрушившееся на их прекрасный, богатый, не знающий проблем регион [8, с. 323–332]. Так формировался образ Ливонии, райской страны, которая, словно Новый Свет, по мнению Данзе, должна быть колонизирована и спасена, в первую очередь, французами [14, р. 73–74]. Однако, наравне с образом такой несравненной Ливонии формировался и образ Московии-агрессора,

¹ Ранее в качестве жениха предполагался сам король Генрих III, который, однако, в момент нахождения французского посольства во главе с К. Пинаром при дворе шведского короля, женился на Луизе Лотарингской (февраль 1575 г.), чем поставил в трудное положение не только своего посла, но и сделал холодными отношения со Швецией. Само же посольство Пинара в Швецию вызвало неудовольствие короля Дании, который подозревал о закулисных переговорах между французской стороной и его давним врагом – королем Швеции. Проект Данзе был заманчивой идеей, которая рассматривалась Парижем.

² Примечательно, что французская корона и ранее вынашивала планы по коронации французского принца в качестве шведского короля: в частности, Данзе был причастен к заговору по свержению Юхана III и возведению на шведский трон Генриха де Валуа. Заговор, однако, был раскрыт, хотя участие в нем Данзе осталось для шведского двора неизвестным, а Генрих получил польскую корону: на какое-то время французский двор забыл о коронах северных держав.

³ К слову сказать, датское издание писем Данзе, судя по всему, вовсе не было известно В. Д. Преображенскому. По крайней мере, в течение всей своей работы, исследователь ни разу не ссылается на него.

⁴ Ещё одна цитата из сочинения этого советского историка, которая указывает на отсутствие знаний не только о существовавшем издании писем Данзе, но и о биографических работах по личности самого дипломата.

который, наравне с ливонскими деятелями, создавали польские писатели [8, с. 323–332]. Пробыв в Польше некоторое время в период правления Генриха де Валуа, Данзе не мог не знать выстраиваемого Польшей антирусского дискурса [21, р. 102–115]. Тем более, что, как замечал М. П. Алексеев, «с московским государством во Франции в это время знакомилась главным образом по польским книгам, принимая на веру их тенденциозное освещение русских событий» [1, с. 40]. Проект Данзе, предполагающий союз Швеции, французской Ливонии и Польши с целью прогнать москвитов не может не говорить нам об однозначном помещении им России и русских в раздел «существенно чужих» [14, р. 78; 8, с. 329]. Кроме того, не нужно сомневаться, что Данзе, будучи образованным человеком своей эпохи, был знаком с главными западными сочинениями о Московии, в частности, книгой С. Герберштейна. Мы также знаем, что Данзе общался с французским политическим полемистом Ж. Боденом [21, р. 205–206], который в своих «Шести книгах о государстве» поместил сведения о москвитях [5, с. 75]. Думается, что Данзе, как инициатор налаживания торговли между Францией и Россией, и, к тому же, будучи чрезвычайно любознательным человеком [21]¹, не мог не поинтересоваться у прославленного мыслителя его мнением о Московии и москвитях, которое строилось на основе аристотелевских представлений о деспотии [5, с. 75].

Что же касается времени происхождения проекта и его места во французской политической мысли, можно сказать, что начало размышлений Данзе над ним мы можем отнести уже к 1574 г.: так, в письме королю от 24 марта 1575 г. Данзе указал, что говорил о важности порта Ревеля с будущим Генрихом III еще в Польше [14, р. 35–44; 21, р. 330–335; 2, с. 372]. В письме к королю от 23 января 1575 г. Данзе писал о желании горожан Ревеля уйти под власть Дании, так как у Швеции нет сил «для защиты их от Москвиты» [Ивана IV], о бедности и раздорах в Швеции, а также о нелюбви подданных к королю Юхану III: «Так что, сир, Шведское королевство поистине находится в великой и очевидной опасности» [14, р. 3–10; 2, с. 371]. В приведенном выше письме от 24 марта французский дипломат также писал о планах короля Дании перекупить шведские крепости, т. к. между наемниками и королем Швеции существует соглашение, по которому они могут не служить ему, если он им не заплатит [14, р. 35–44; 21, р. 330–335; 2, с. 372]. По приведенным письмам видно, что Данзе интересовался положением ливонских городов и крепостей, возможными способами их захвата. Далее, в письме королю от 31 мая 1575 г. Данзе писал, что не сомневается в том, что король Швеции уступит Ливонию королю Дании, если король Франции не ответит на предложение короля Швеции передать Ливонию французской короне, так как «король Швеции беден и больше не может продолжать войну с Московией» [14, р. 97–99; 2, с. 373]. Данное письмо, как мы видим, открывает для нас иную сторону утопического проекта Данзе: оказывается, король Швеции сам предлагал передать шведскую часть Ливонии французской короне. В письме королю от 27 сентября 1575 г. посол говорил о благоволении шведского короля в связи с этим вопросом [14, р. 108–112; 2, с. 164, 378].

Таким образом, проследив развитие проекта французской Ливонии в переписке Данзе, можно предположить, что дипломат внимательно следил за возможностями, в рамках которых имелаась вероятность присоединения ливонских земель еще с 1574 г., а также констатировать, что у французского дипломата были определенные договоренности со шведской короной: видимо, шведский король не исключал передачу шведских земель в Ливонии в руки французского принца и мог рассматривать такой вариант. Таким образом, посол Шарль де Данзе предстает амбициозным политическим деятелем, отнюдь не «авантюристом», а проект создания французской Ливонии кажется вполне реальной перспективой, а не «фантастической» и «утопической» придумкой.

Если говорить о проекте Данзе в контексте стратегий и практик геополитического накопления, присущих раннему Новому времени [13; 7, с. 154], мы также можем усомниться в определении его «фантастичности», не столько с точки зрения реальной реализации, сколько с позиций приемлемости данного проекта для политических деятелей эпохи раннего Нового времени. План создания французской Ливонии был реальным шансом для французской короны, которая находилась в финансовом отношении довольно в плачевном состоянии², увеличить свои доходы во время Религиозных войн путем захвата торговых путей на Балтике, а также за счет новой налоговой базы в виде ливонских городов и ливонского крестьянства. Геополитическое накопление в этом случае могло быть реализовано военно-политическим и династическим путем и осуществлено в союзе с армией и купечеством, «Марсом и Меркурием», с целью распространения влияния на пространство

¹ Биография этого французского дипломата пестрит сведениями о его любознательности. Еще будучи на секретном задании в Страсбурге в 1547–1548 гг. он познакомился с деятелями Реформации и даже с самим Ж. Кальвином, идеи которого захватили Данзе и вскоре он обратился в кальвинизм, став гугенотом. Кроме того, уже будучи в Дании, Данзе подружился с известным астрономом Тихо Браге, которого просил быть его учителем в постижении астрологии. В качестве же благодарности, Данзе всячески способствовал открытию обсерватории Ураниборг.

² Интересны в связи с этим письма Данзе к королю и королеве-матери со слезными просьбами прислать ему жалование. Однажды, дело даже дошло до того, что французского дипломата могли посадить в долговую тюрьму, что расценивалось бы как позор французской короны и короля Генриха III.

Балтийского моря и его превращения в «mare liberum» или «mare clausum», с расширением внутренних полномочий королевской власти и усилением международного влияния. Такова вполне нормальная для эпохи раннего Нового времени стратегия, в которой нет ничего «фантастического»¹. Кроме того, можно предположить, что активная внешняя политика, по аналогии с реформами королевского двора [12, с. 262–370], могла давать королевской власти и лично королю ощущение контроля и власти в раздираемом с 1559 г. гражданскими войнами королевстве.

Наши тезисы становятся яснее, если сравнить проект французской Ливонии с проектом Ливонского королевства Ивана IV Грозного и с проектом завоевания Казанского ханства авторства И. Пересветова. Если проект Данзе существовал в рамках стратегии геополитического накопления в условиях эволюции европейского абсолютизма, то проект Ивана Грозного находился в рамках традиций русской удельной эпохи. По замечанию А. И. Филюшкина, «Великий князь был готов пожаловать захваченные земли в вотчину вассалу, принесшему ему оммаж и выселить с них своих подданных» [8, с. 161]. Однако, «удельная стратегия» Ивана Грозного не кажется нам «утопической», равно как не является утопическим и проект «казанского взятия» И. Пересветова, который содержит описание «подрайской землицы», т. е. Казанского ханства [9, с. 34], весьма схожее с тем восхищенным тоном, в котором Данзе описывает Ливонию. Тем не менее, дискурс Данзе о Ливонии как «подрайской землеце» для французов до сих пор не нашел должного отклика в историографии.

Таким образом, проект французской Ливонии дипломата Шарля де Данзе нужно рассматривать не как «фантастический» и «утопический» план, который достоин лишь упоминания, но как ценный источник по политике французской короны на Северо-Востоке Европы, а также по конструированию образов Ливонии и России в европейском дискурсе. Наравне с другими геополитическими проектами эпохи раннего Нового времени, проект французской Ливонии можно помещать в рамки тех практик и стратегий, которые были характерны для этой эпохи и международной политики, что позволит нам лучше понять их, не попадая в сети методологического «монизма» [3, с. 7].

1. Алексеев, М. П. Эпизоды из русской истории в «Опытах» Монтеня / М. П. Алексеев // Сравнительное литературоведение / М. П. Алексеев. – Л. : Наука, 1983. – С. 21–42.
2. Виане, Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики Французами в XVI веке / Б. Виане. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 528 с.
3. Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв. : векторы исследования. – СПб. : Алетейя, 2018. – 722 с.
4. Жордания, Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. – Ч. 1 / Г. Жордания. – Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1959. – 382 с.
5. Колпаков, М. Ю. «Московия» французских интеллектуалов и «Россия» французских путешественников: трансформация образа русских на рубеже XVI–XVII вв. / М. Ю. Колпаков // Метаморфозы истории. – 2015. – № 6. – С. 71–83.
6. Преображенский, В. Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. – Ч. I. Взаимоотношения Франции и России до начала дипломатических сношений между ними и первые русские посольства во Францию / В. Д. Преображенский // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института. – Вып. VII. История. – 1945. – С. 1–61.
7. Тешке, Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Б. Тешке. – М. : Издательство Государственного университета «Высшая школа экономики» (ГУ ВШЭ), 2011. – 416 с.
8. Филюшкин, А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков / А. И. Филюшкин. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. – 880 с.
9. Флоря, Б. Н. Иван Грозный / Б. Н. Флоря. – М. : Академический проект, 2019. – 421 с.
10. Форстен, Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648) / Г. В. Форстен. – СПб. : Тип. В. С. Балашева и Ко, 1893. – 642 с.
11. Шишкин, В. В. К Господарю нашему писал Францовской король о любви: Генрих III де Валуа и императоры Московии / В. В. Шишкин // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8. – № 3. – С. 939–962.
12. Шишкин В. В. Французский королевский двор в XVI веке. История института / В. В. Шишкин. – СПб. : Евразия, 2018. – 544 с.
13. Bély, L. L'art de la paix en Europe: Naissance de la diplomatie moderne XVIe–XVIIIe siècle / L. Bély. – P. : Presses Universitaires de France, 2007. – 745 p.
14. Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck // Handlingar rörande Skandinaviens Historia. – Vol. XI. – Stockholm : Elmén et Granberg, 1824. – P. 3–345.
15. Daussy, H. Un diplomate huguenot au service de la couronne de France: Charles de Danzay, ambassadeur au Danemark (1548–1589) / H. Daussy // Религия. Церковь. Общество. – 2015. – № 4. – С. 198–227.
16. Delavaud, L. Les Français dans le Nord. Notes sur les premières relations de la France avec les royaumes scandinaves et la Russie septentrionale depuis l'Antiquité jusqu'à la fin du XVIe siècle / L. Delavaud. – Rouen : Imprimerie E. Gagniard, 1911. – 110 p.
17. Jeannin, P. L'économie française au milieu du XVIe siècle et le marché russe / P. Jeannin // Annales. Économies, sociétés, civilisations. – 1954. – № 1. – P. 23–43.
18. Kirchner, W. Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550–1650) / W. Kirchner // Revue historique. – T. 102. – 1949. – P. 161–183.
19. Maillefer, J. M. Les relations franco-suédoises de Gustave Vasa à la Guerre de Trente Ans / J. M. Maillefer // Une amitié millénaire. Les relations entre la France et la Suède à travers les âges. – P. : Beauchesne, 1993. – P. 95–114.

¹ В качестве примера «нормальности» практики династийного геополитического накопления можно привести присоединение Бретани к Франции (1491 г.), а в качестве борьбы «mare liberum» и «mare clausum» – конфликт Дании с Англией, Голландией и Россией по поводу свободной торговли на Северном пути в 1582 г.

20. Paris, L. La chronique de Nestor, traduite en français, accompagnée de notes et d'un recueil de pièces inédites touchant les anciennes relations de la Russie avec la France. – T. I / L. Paris. – Paris : Heideloff et campé, 1834. – 450 p.
21. Richard, A. Un diplomate poitevin du XVI siècle: Charles de Danzay, ambassadeur de France en Danemark / A. Richard. – Poitiers : Imprimerie de Blais et Roy, 1910. – 246 p.
22. Rördam, H. F. Résidents français près la cour de Danemark au XVI siècle / H. F. Rördam // Extrait du Bulletin de l'Académie royale des sciences et des lettres du Danemark pour l'année 1897. – Copenhague : Imprimerie de F. Dreyer, 1898. – P. 619–668.

Клімаў М. В.

ГРАВИЮРЫ ФАРТЭЦЫЙ ПЕРЫЯДУ ЛІВОНСКОЙ ВАЙНЫ: ВЕРЫФІКАЦЫЯ ПАВОДЛЕ АРХЕАЛАГІЧНЫХ КРЫНІЦ. ПАПЯРЭДНІЯ ЗАЎВАГІ

Лівонская (Інфлянцкая) вайна пакінула пасля сябе не толькі знішчэнне часткі населеных пунктаў і насельніцтва ў паўночнай частцы Беларусі, але таксама спрыяла фарміраванню корпуса ілюстратыўных, картаграфічных крыніц, якія дазволілі павялічыць крыніцазнаўчую базу. Падчас і пасля ваеннай кампаніі з'явіўся шэраг мапаў, якія з рознай доляй дакладнасці адлюстроўвалі тапаграфічныя аб'екты. Акрамя мапаў былі надрукаваны і выявы фартэцый, пабудаваных войскамі Івана IV Жахлівага. Найбольш вядомымі з'яўляюцца гравюры на якіх змешчаны выявы 6 фартэцый: Туроўля, Сокал, Казьян, Сітна, Суша, Красный. Аднак фартэцый было больш. Не існуе выявы Нешчарды, якая згадваецца разам з іншымі фартэцыямі адносна апошняга перыяду вайны [4, с. 52]. Адсутнасць Нешчарды сярод указаных фартэцый звязана з даволі познім штурмам умацавання, напрыканцы 1579 г. [3, с. 137–138]. Таму на гэты час С. Пахалавіцкі, як асноўны стваральнік малюнкаў, паводле якіх пазней рабіліся гравюры, ужо, відаць, пакінуў Полаччыну.

Такім чынам, выявы фартэцый ствараліся непасрэдна падчас “Полацкай кампаніі” у жніўні–верасні 1579 г. Таму акрамя вышэй згаданай Нешчарды адсутнічаюць і выявы такіх умацаванняў як Ушачы, Крэчат, Гомель. Пытанне выклікае лакалізацыя і вонкавы выгляд указаных пунктаў, бо аб іх гаворка ў дакументах вялася да ваенных падзей 1579 г., што ўскосна ўказвае на іх ранейшае знікненне [15, с. 90–91; 16, с. 123]¹.

З ліку адлюстраваных на гравюрах, дакладна не вядома месцазнаходжанне фартэцыі Красны (мал. 1: 1), што, па нашаму меркаванню, звязана з пазнейшымі пераўтварэннямі на мясцовасці². Такім чынам, аб'ектыўна магчыма весці гаворку аб пяці выявах фартэцый у сувязі з пытаннем верыфікацыі паводле археалагічных крыніц. Папярэднія заўвагі, вынесеныя ў назву, адлюстроўваюць стан даследаванасці фартэцый археалагічным шляхам, або розную ступень іх вывучэння. Пры паглыбленні вывучэння праблемы і матэрыялы, прыведзеныя ў прапанаваным артыкуле будуць набываць характэрную ролю.

Звычайна, выявы фартэцый падпісваюцца як гравюры С. Пахалавіцкага – Дж. Кавальеры, аўтараў малюнкаў і гравюр. Існуе дыскусійны момант адносна таго, наколькі ўсе малюнкi фартэцый былі выкананы адным С. Пахалавіцкім ці некалькімі людзьмі³. Стылізацыя ж малюнкаў і “гравірызацыя”, выкананая ў 1580 г. мае адно аўтарства, што вынікае з агульнай манеры іх выяў.

Калі пакінуць па-за ўвагай шырокае выкарыстанне гравюр як ілюстрацый да падзей Інфлянцкай (Лівонскай) вайны іх асобны разгляд, звычайна, прыводзіў да прамой рэтрансляцыі таго, што было бачна на гравюрах. Большасць з аўтараў, якія згадвалі аб фартэцыях ніколі не наведвалі месцы іх размяшчэння, аднак меркавалі аб выявах фартэцый вельмі ўпэўнена. Такая традыцыя ўмацавалася яшчэ ў XIX ст. Так М. В. Без-Карніловічам без сумнення апісваў такія ўмацаванні зыходзячы з выяў на гравюрах [1, с. 123–124, 127]. З гэтай нагоды дастаткова красамоўна выглядае апісанне фартэцыі Сокал, прапанаванае А. Семянтоўскім, якім адносна фартэцыі, было напісана наступнае: “Замок этот был одним из сильнейших: он имел одинадцать башен и был окружен деревянной стеной, валом и рвом. Следы последних существовали ещё не так давно, а быть может существуют и поныне” [13, с. 56]. У апошняй фразе адлюстраваны якраз праекцыйны падыход праз поўную згоду з пабачаным на гравюры. Да 1917 г. менавіта выявам фартэцый была прысвечана асобная публікацыя, зробленая А. Сапуновым. Аднак А. Сапуновым пераказваліся раней вядомыя факты [12]. У пазнейшых выданнях пераважала некрытычнае стаўленне да адлюстраванага на гравюрах. Выява фартэцыі на гравюры апісвалася згодна з тым, што жадаў пабачыць аўтар даследавання. Найбольш поўна такі падыход быў рэалізаваны ў працы Б. Брэжга [2].

Першая спроба археалагічнага вывучэння фартэцый, выявы якіх пакінулі аўтары XVI ст. належыла маскоўскаму археолагу М. Г. Рабіновічу [11]. Наступным даследчыкам фартэцый выступіў

¹ З улікам адсутнасці іх выяў на гравюрах далей развіваць гэта пытанне ў прадстаўленай публікацыі не карэктна.

² Пры пошуку фартэцыі аўтарам узнікла версія аб тым, што пры будаўніцтве гравійнай дарогі паміж азёрамі магчымыя рэшткі фартэцыі былі знішчаны.

³ Гэта пытанне вынесена на рамкі прадстаўленага артыкула